

К вечеру весь Байшуйао уже гудел от слухов — сцена, разыгравшаяся в доме Лю, разлетелась по округе быстрее утреннего тумана. Из всей семьи Чжун лишь Го-ши, известный своей любовью к сплетням, не удержался и, бросив дневные дела, отправился к дому Лю Ланьцао. Протолкался сквозь толпу и, как он сам позже с гордостью сказал, "с самого начала до последнего слова всё своими ушами слышал".

К сумеркам Чжун Чунься, взяв немного свежевывловленных морских водорослей и несколько рыб, которых её муж Тан Дациян наловил во второй половине дня, зашла сперва к третьему брату, потом к четвёртому. Угощение простое, но вкусное, да и зачем сушить, если свежим поделиться можно.

На лодке третьего брата она застала не только Го-ши, но и несколько не слишком знакомых молодых жён и геров, все сгрудились вокруг Го-ши, жадно ловя каждое слово — тот, сияя, пересказывал услышанное, добавляя деталей, будто сам был непосредственным участником событий.

Увидев Чжун Чунься, все дружно поприветствовали её, а Го-ши было уже собрался перейти на тему домашнего хозяйства, решив, что старшая сестра вряд ли интересуется подобным. Чжун Чунься и вправду изначально не собиралась задерживаться — думала, оставит угощение и пойдёт. Но услышав, что разговор касается дома Лю Ланьцао, а главное — упоминается Су И, её интерес вспыхнул ярким огнём.

Чтобы не вызвать у Го-ши подозрений и не дать тому повода растрезвонить по округе лишнего, она небрежно сослалась на то, что хочет попросить у Лян-ши пару кусков ткани. Та поднялась искать отрезы, а Чжун Чунься уселась чуть поодаль. Однако даже там слышала всё так же ясно - лодка не велика, что ни скажи, всё сквозь доски просачивается.

Когда вся история сложилась у неё в голове, Чжун Чунься уже знала, как поступит. Хоть и не скажешь вслух, но в такие моменты она была благодарна тому, что в доме есть такая особа, как Го-ши — пусть порой и болтливый, зато ни одно событие от него не ускользнёт. Иначе как бы она спала спокойно, если бы не знала, что и как происходит вокруг Су И?

- Эти два лоскута как раз подойдут, потом я тебе два других, другого цвета, на обмен принесу, — сказала Лян-ши.

В домах, где живут скромно, после шитья одежды всегда остаются кусочки ткани. Это не просто обрезки - из них и заплатку вырезать можно, и верх обуви, и для девчонки или гера цветочек на голову скрутить. Только вот бывает, что цвет не подходит, тогда и идут к соседям меняться.

Чжун Чунься, прихватив лоскутки, вышла с лодки третьего брата и в тот же вечер рассказала Чжун Мину всё, что узнала.

На ужин её племянник принёс немного креветочной пасты, сказал, что получил в подарок. Стоило ей попробовать, сразу стало ясно - вещь отменная. А уж после того, что произошло у

Лю из-за этой самой пасты, Чжун Чунься и вовсе не сомневалась, откуда ноги растут.

Так что она рассказывала не просто, а смакуя каждую деталь, с охотой, не упуская ни крупинцы. Пока не пересказала всё от начала до конца, не остановилась. Говорила до хрипоты, пока не пришлось глотнуть воды, чтобы освежить горло.

А потом, прищурившись и явно имея в виду кое-кого конкретного, сказала:

— Что ни говори, а И-гер — парень дельный. Да, может Лю Ланьцао и потянула время, но ведь теперь все узнали, что у него в руках рецепт, на котором деньги можно делать. А личико-то у него что надо. Не удивлюсь, если теперь кто-нибудь махнёт рукой на эти байки про шестой палец да и придёт свататься.

А ведь такой исход вполне реален: у Су И ни родни, ни опоры, и если уж вступит он когда в чей-то дом, то и рецепт пасты, выходит, в тот дом перейдёт.

Чжун Мин тем временем перебирал мелкочейную рыболовную сеть, ища, где бы заплатку наложить. Пока слушал, как Чжун Чунься пересказывает историю с семьёй Лю, сам нечаянно рванул целое место - то ли от задумчивости, то ли от внутреннего раздражения. Чем больше правил, тем хуже становилось.

Но дослушав всё до конца, он, напротив, немного успокоился.

Су И хоть и оказался в трудной ситуации, но и выгоду из неё вынес - удалось обозначить, что рецепт креветочной пасты принадлежит ему, а не кому-то ещё. Теперь, если Лю Ланьцао и вздумает снова зариться на его серебро, ей уж точно придётся сто раз всё взвесить.

К тому же раз семья Су И ей важна как средство к собственной выгоде, по-настоящему выгнать его она вряд ли осмелится. А всё же, если и вправду хочется, чтобы этот гер зажил по-настоящему хорошо, то, прежде всего, надо, чтобы он совсем ушёл из этого дома.

Дневной свет ещё не угас, и в его памяти ясно стояли все выражения лица Су И - то, как он хмурился, как улыбался... Всё это оставалось перед глазами. А в груди будто щупальцами шевелилась тревога, точно его по сердцу морское чудовище лапами шарит. Только вот одного он не знал: а есть ли у Су И к нему такие же чувства?

Отослав вторую тетю, которая болтала без умолку и уже начала прикидывать, сколько приготовить в качестве выкупа за невесту, Чжун Мин вскипятил воды и вместе с младшим братом по очереди умылся в каюте, вытерся, сменил грязную одежду на чистую и уложил брата спать.

Он сам аккуратно расплёл брату косичку:

— Завтра, скорее всего, с утра погода будет пасмурная. Старший брат за медузами не пойдёт. Останемся дома, волосы как раз помоем.

Чжун Хань послушно кивнул.

Додо теперь жил на лодке, в новом кошачьем гнезде - Чжун Мин как-то раз нашёл на дне моря огромную раковину и притащил её наверх. Чжун Хань пришёл в восторг, выстлал её своей одеждой, из которой уже вырос, и кот сразу признала новое логово: запах был знакомый и родной, так что он спокойно устроился внутри.

Ночью эта раковина стояла недалеко от Чжун Ханя, и он со временем привык. Пока ладошкой не уткнётся в тёплый кошачий бок, не мог уснуть.

Убаюкав брата вместе с котом, Чжун Мин на цыпочках отдёргнул в полу одну доску, вынул из спрятанного тайника глиняный кувшин, где хранились все семейные сбережения, прошёл к носу лодки, приподнял занавеску и под лунным светом начал пересчитывать деньги.

С тех пор, как он осознал, что живёт заново, прошло уже больше месяца, и, если подумать, за этот месяц он накопил больше, чем за те смутные и бездарные десять с лишним лет своей прежней жизни.

Если не считать те шесть лян с лишним, вырученные в самом начале за продажу большого моллюска и прочей мелочи, которые он почти не тронул, затем он дважды сбывал лобстеров, один раз абалонов, выручив больше пяти лян. К тому же за это время он понемногу распродал ещё и кое-какую рыбу с креветками - вместе это тянуло примерно на полтора лян.

Но сколько бы ни зарабатывал, тратиться тоже приходилось. Один лишь поход к врачу для младшего брата с лекарствами и покупкой риса обошёлся более чем в один лян; изготовление стрел и наконечников у кузнеца - ещё один.

Итого, вычтя расходы, в его руках осталось около одиннадцати лян. Он пока не мог позволить себе новую лодку к свадьбе, но вот выкуп и свадебное угощение - на это уже вполне хватит.

Выкуп за обычного гера обходился в два лян серебра, плюс отрез ткани на свадебный наряд, мера риса и пара свежих рыб - это был базовый набор. Если жених уважал семью будущего супруга, он мог добавить к нему что-то сверху, но никак не меньше.

Что до свадебного застолья, то тут кто как может - богатство или скромность определялись по средствам. Если скупиться и не покупать курицы и свинины, а ограничиться лишь морепродуктами, то за стол можно было отдать только стоимость приправ, масла почти не требовалось. Но такой ужин выглядел бы убого, и гости, вернувшись домой, наверняка бы не сдержались от брани - не только не отбили подарки, что принесли, но и пожалели бы, что вообще пришли.

Если же устроить угощение как следует - с наваристыми блюдами, большими кусками мяса, то без двух-трёх цяней серебра не обойтись. Ведь свинина стоила больше двадцати вэней за цзинь, а одна курица - больше семидесяти.

В деревне родни много, почти каждая семья состоит в каком-нибудь родстве, не пригласишь одних, других обидишь. Примерно прикинув, Чжун Мин заложил на угощение не меньше пяти лян, и, скорее всего, придётся к этой сумме ещё что-то прибавить.

А если он всё же захочет заказать для Су И серебряную шпильку в подарок к свадьбе, денег, конечно, хватит, но останется уже совсем немного. Нельзя же, отпраздновав с блеском свадьбу, после обречь своего супруга жить впроголодь и считать каждую монету.

В конце концов, Чжун Мин молча вернул связку монет в кувшин.

Недаром говорят, что женитьба - дело затратное. Бывает, что мужчины, не имея средств, чтобы жениться, и выкуп предложить не в силах, вынуждены идти в семью гера. Значит, не только на новую лодку не хватает, но даже на базовый выкуп не собрали.

Раньше он считал себя небедным: с десятью с лишним лянми серебра, если не шикую и не транжиря, он с младшим братом мог прожить целый год. Теперь же, когда речь пошла о женитьбе, всё обернулось нехваткой.

Видно, до свадьбы ему нужно придумать, как раздобыть ещё хоть несколько солидных сумм. С этими мыслями он лёг спать, но сон вышел беспокойный. А когда проснулся, под глазами уже темнели лёгкие синяки.

Погода, как и предсказывали накануне, с утра была пасмурной: низкие облака плотно затянули небо, солнце едва пробивалось сквозь них, и море, потемневшее от недостатка света, больше не блестело, как в ясные дни.

Чжун Мин приготовил на завтрак паровой омлет с креветочным соусом, который дал ему Су И. Яйцо, перемешанное с пастой, приобрело не самый аппетитный цвет, зато вкус вышел на диво насыщенным и ароматным. Соус был сам по себе солоноват, так что к рисовой каше подходил просто отлично.

Братья ели с таким аппетитом, что головы не поднимали, даже бульон из-под омлета выхлебали дочиста. После еды Чжун Хань с удовольствием отрыгнул, а Чжун Мин, вскипятив воду, разбавил её в деревянном тазу и вымыл младшему брату голову.

Закончив, он протянул полотенце, велел самому как следует вытереться, чтобы побыстрее просохнуть, а сам вновь собрался к морю - прогуляться, осмотреться, возможно, поискать улов.

Младшего брата он отдал под присмотр второй тётке. Погода стояла пасмурная, рыбацкие

лодки не выходили из бухты, но Тан Дацянь без дела не сидел - плёл бамбуковые поддоны для сушки морепродуктов.

Эта утварь расходилась быстро, сколько ни делай, всё впрок. В солнечные дни поддоны были повсюду: на крышах лодок, на палубах, на прибрежных камнях - одна из привычных картин приморского быта.

Заметив, что Чжун Мин собирается в море, Тан Дацянь не остановил работы, но заметил на ходу:

— Сегодня ветер с порывами, волны крутые, вода мутная. Зачем тебе именно сейчас в море соваться?

— Да я и не собираюсь далеко, — отозвался Чжун Мин. — В такую погоду на лодке сидеть ещё душнее. Только в море как человек.

Тан Дацянь, увидев подбегающую Чжун Чунься, засмеялся:

— Ты слышала, что твой племянник только что сказал? Слово он в прежней жизни рыбой был, не иначе.

Чжун Чунься прищурилась от улыбки. С тех пор как она почти уверилась, что между Чжун Мином и Су И случится свадьба, племянник ей казался всё милее и милее.

Узнав, что он снова собрался в море, тут же велела:

— Возьми с собой лишнее полотенце. Как вылезешь, вытрись хорошенько и только потом надевай сухую одежду. Хватит уже простужаться.

Чжун Мин собрал нужное, закинул всё за плечо и пошёл. Недоделанный гарпун всё ещё лежал в лодке. Он не знал, когда повстречает осетра, чтобы добыть из него сухожилие для тетивы, но раз уж теперь у него были железные наконечники, заказанные в кузнице, один он уже прикрепил - пусть и стрелять пока не выйдет, зато в руке держать удобно, рыбу поддевать должно быть самое то.

— Чжун Мин, опять в море?

— Пройду пару кругов, просто поплаваю.

— Ты там смотри, недолго ведь и дождь пойдёт. И обратно возвращайся пораньше.

С тех пор как староста сам передал Фэн Бао в руки властей, в деревне стали всё чаще заговаривать с Чжун Мином. Прежде с ним здоровались разве что родственники по клану, особенно близкие к ветви Чжун, или такие, как Лю Шуньшуй, давно знакомые мужики. Что до прочих — женщины да геры, — те обычно при встрече старались держаться подальше, судачили, что у него и вид, мол, лихой, и глаз недобрый, а то и вовсе будто бы кого в деревне убил.

Теперь же, когда он на самом деле жил с памятью об отнятых жизнях, пусть и были те жизни взяты на поле брани, у варваров, люди, напротив, всё чаще отзывались о нём как о парне что надо: надёжный, работающий.

— Понял, спасибо, дядюшка.

Кивнув в ответ, Чжун Мин пошёл своей дорогой.

Он снова направлялся к старому знакомому месту на берегу, где обычно нырял. Морской ветер доносил липкий, тягучий зной, от которого вся кожа будто покрывалась плёнкой, хотелось поскорее сдёрнуть с себя всё до нитки и плюхнуться в воду, хорошенько отмыться.

Добравшись до скалистой отмели, он на миг задержал взгляд на том самом месте, где в прошлый раз встретил Су И. Интересно, поменял ли тот после того случая свой тайничок с глиняной копилкой?

Он стянул одежду, поставил на место деревянное ведро, на бёдра пристроил сетку, крепко привязанную к поясу, и, изменив прежний способ, сначала отплыл подальше от берега, только потом напряг плечи, согнул тело и нырнул в глубину.

Морская вода обтекала лицо, а Чжун Мин, не мигая, оглядывал подводный мир.

Некоторые так и не учатся открывать глаза под водой, а без этого умения, как бы ты ни был хорош в плавании, по-настоящему нырять не получится. Чжун Мин же с малолетства, как начал плавать, освоил это безо всяких наставников, разве что бывало, после долгого пребывания в воде глаза немного резало.

Он заметил, что сегодня погружается не в привычном месте, но вместо тревоги испытал даже удовлетворение. Повернув в руке железные грабли, он наклонился ниже, ныряя глубже, пока обеими ногами не коснулся песчаного морского дна, после чего изменил положение, лег вдоль и начал ползти вперёд, цепляясь руками за песок и скользя по течению.

В то же самое время, на берегу.

В такую ветреную погоду морские птицы не летали над волнами, а сбивались в стайки на прибрежных скалах. Одна особенно крупная птица заметила на камне деревянное ведро,

особенно её заинтересовал торчащий из него клочок одежды. Резко пикируя вниз, она попыталась когтями зацепить этот лоскут.

Когти у птицы были острые: стоило ей ухватиться, как ткань крепко застряла. Это только сильнее её напугало. Хлопая крыльями и оглашая окрестности резкими криками, она отлетела назад.

— Брысь! Уходи!

Су И как раз пришёл на это побережье собирать свежих морских устриц. Увидев знакомый лоскут одежды, он сразу понял, что наверняка это вещи Чжун Мина, который часто бывал в этих местах. Не раздумывая, он в несколько шагов подбежал, намереваясь отогнать наглую птицу.

Птица продолжала набирать высоту, но клочок одежды всё ещё болтался у неё в когтях - видно было, что не в нежелании дело, а в том, что не может отцепиться. Ведро опрокинулось, вся одежда взвилась в воздух. Су И моментально переполошился, начал подпрыгивать, стараясь дотянуться, и при этом возмущённо причитал:

— Ну и воришка! Что, другого развлечения не нашлось? Пришла одежду таскать?! Живо отпусти!

Он был невысокого роста, несколько раз подскочил и, наконец, сумел ухватить край ткани. К счастью, Чжун Мин был широкоплечим, и одежда у него объёмная, тяжёлая, не дающая птице улететь слишком далеко.

Однако Су И в панике позабыл, что морская птица не человек и слов не понимает. Раздался резкий звук, и ткань, наконец, сорвалась, упав прямо в его объятия.

Птица, освободив когти, тут же взвилась выше и исчезла в небе, оставив Су И стоять на месте с разинутым ртом, глядя на изрядно изорванную одежду в своих руках.

А Чжун Мин в это время, ничего не подозревая о происходящем на берегу, увлечённо вытаскивал осьминога из раковины на морском дне. Осьминоги любят использовать раковины как укрытие, а заодно и питаться мясом моллюсков, так что по сути съедают прежнего хозяина и ещё и дом себе забирают. С этой точки зрения, существа вовсе не такие уж милые. К тому же осьминоги настоящие мастера маскировки: прячутся в раковинах, зарываются с ними в песок, а если остаются без укрытия, сливаются с окружением так искусно, что не имеющему зоркости хоть целый день броди по дну не заметишь ни одного.

Чжун Мин вытащил из воды осьминога, который с неохотой расставался с раковиной, и, глядя на его небольшую голову и длинные ноги, прищурился. Поймать такую тварь несложно, главное, не причинить ей вреда, тогда она, скорее всего, не выпустит чернила. Он аккуратно поместил осьминога в сетчатый мешок и продолжил поиски следующей добычи.

На этом участке морского дна осьминогов водилось действительно немало. Когда шарить по песку, можно заодно нащупать пару морских раковин и гребешков. Особенно выделялась одна разновидность улиток - с закрученным узорчатым панцирем и изогнутым, крючковатым концом, похожим на птичий клюв. В народе их звали «птичьеклювками». Такие раковины особенно хороши для жарки на сильном огне: жёлтое мясо у основания «клюва» получалось особенно ароматным.

Стоило только подумать об этом, как у Чжун Мина заурчало в животе. Эти моллюски — редкая находка: за один выход в море можно собрать всего несколько штук, так что продавать их не имело смысла, обычно он просто приносил их домой и готовил для себя.

Он бросил несколько птичьеклювок и один заострённый гребешок в другой сетчатый мешок, как вдруг перед глазами мелькнула тень. Чжун Мин тут же метнулся, пытаясь схватить её, но рыба ускользнула. Мельком он всё же успел разглядеть: это был бычок, рыба из тех, что обитает либо в зарослях кораллов, либо в морской траве. Иногда их можно поймать во время отлива. Они присасываются к камням, как улитки, у них длинное и узкое тело, размером не больше ладони, но мясо у них мягкое и сочное, с минимумом костей — идеально для жарки в масле.

Чжун Мин вспомнил, что взял с собой железный наконечник стрелы, и, решив опробовать его в деле, достал из-за спины, сжал в руке и стал выжидать удобного момента.

Морские водоросли покачивались в такт волнам, в их гуще пряталось множество живых существ. Чжун Мин нарочно стал ворошить водоросли руками, спугнув целую стайку мелких рыбёшек, креветок и крабов, которые с перепугу бросились врассыпную. Он тут же воспользовался суматохой и подряд пригвоздил железным наконечником двух бычков, нанизав их, как тангулу, на одну стрелу. Конечно, с таким оружием внешность рыбы сильно страдала, но, поскольку он всё равно собирался приготовить их для себя, на внешний вид можно было махнуть рукой.

Следом, тем же способом, он поймал ещё четырёх бычков.

На каком-то этапе Чжун Мин вынырнул, чтобы перевести дух, а когда погрузился вновь, удача ему улыбнулась: неподалёку на морском дне затаился скат, по цвету почти сливавшийся с песком. Если бы не шлейф пузырьков, поднявшихся от рядка жаберных щелей на его теле, когда он проходил мимо, даже Чжун Мин мог бы принять его за часть дна и пройти мимо.

Увидев ската, он обрадовался. Теперь он точно знал, что сегодняшний улов оправдал все ожидания. По сравнению с этой рыбой какие-то там улитки и осьминоги не стоили и упоминания. Чжун Мин бросил улиток и гребешков в мешок к осьминогу, пусть поест напоследок, перед тем как попасть в кастрюлю.

Чжун Мин поднял освободившийся большой сетчатый мешок, в другой руке крепко сжимая железный наконечник стрелы, и стремительно направился к скату.

Эта рыба, на самом деле, не отличалась особой проворностью, плавала, словно в воде болталась лепешка от вонтона. Но опасность заключалась в ядовитом шипе на её хвосте: если случайно уколется, гарантированно кожа треснет, а мясо начнёт гнить.

Старая прибрежная пословица гласит: «Первый - скат, второй - бычок, третий — песчаный червь», — перечисляя тройку самых ядовитых морских существ, и первым в этом списке как раз значился скат, та самая «рыба-крышка от горшка».

Но Чжун Мин уже дважды имел дело с такой добычей и знал, как с ней справляться. Он осторожно обошёл рыбу, не приближаясь к опасному радиусу её хвоста, выждал момент и с силой метнул сетку так, чтобы накрыть ей голову.

Пока рыба яростно билась в ловушке, он мгновенно метнулся вперёд: обеими руками навалился на неё, прижав тело ногой, зацепил плоть железным крюком, а другой рукой пронзил железным наконечником шип на хвосте, вбив его глубоко в песок.

Затем он тут же нашёл неподалёку крепкую створку морской раковины и несколько раз с размаху ударил по ядовитому шипу, пока не срубил его, а остатки отшвырнул подальше.

Готово!

Чжун Мин прочно завязал сетку со скатом, затем обернулся за другим мешком — и точно, один из осьминогов, оказавшийся поумнее, уже начал трапезу «перед казнью», поедая улиток. Чтобы восполнить утрату, Чжун Мин перед тем как вновь подняться на поверхность подобрал ещё несколько улиток.

После двух заходов под воду прошло не меньше времени, чем сторает благовоние, и даже Чжун Мин начал зябнуть от долгого пребывания в морской воде. Вынырнув, он заметил, что небо стало ещё более пасмурным. Ему совсем не хотелось оказаться в море, когда пойдёт дождь, и он прибавил ходу.

Два сетчатых мешка он тащил за собой, рассеивая воду, будто прорываясь сквозь водные завесы. Чжун Мин двигался в воде стремительно и изящно, и несколько глуповатых рыбёшек на морском дне приняли его за незнакомую крупную рыбу, пристроились сзади в надежде плыть по течению. Но, заметив, что направление движения совсем не то, что нужно, поспешно отстали.

Путь до берега не занял много времени. Чжун Мин, ухватившись за прибрежный риф, вылез из воды, по привычке встряхнул головой и провёл рукой по лицу, стряхивая капли. С трудом приоткрыв залитые водой глаза, он увидел перед собой аккуратно сложенное полотенце. Проследив взглядом вдоль ткани, он увидел, что его протягивает Су И.

Чжун Мин внезапно расплылся в улыбке, принимая полотенце и в то же время спрашивая:

— Ты тоже здесь?

А дело обстояло так: после того как Су И понял, что, ввязавшись в спор с морской птицей, стал виновником того, что на одежде Чжун Мина появилась дыра, он ещё долго беспокойно топтался на месте. В конце концов, всё же нашёл иголку с ниткой, сел на берегу и принялся торопливо зашивать порванное.

Пока штопал, то и дело бросал взгляд в сторону моря - с одной стороны, надеясь, что Чжун Мин поднимется как можно позже, чтобы не пришлось натягивать порванную одежду и потом стоять перед ним, смущённо таращась, - с другой, всё же переживал: а вдруг под водой случилось что-то опасное. Мысли метались, сосредоточиться было трудно, и он даже уколол палец остриём иглы.

К счастью, дырка была небольшой, а мастерства в шитье у него хватало, так что через какое-то время он аккуратно залатал её, сложил одежду и положил обратно. И тут как раз в воде неподалёку показалась голова - кто же ещё, как не Чжун Мин.

Складывая одежду, он заметил и полотенце. Не задумываясь, прихватил его с собой и пошёл навстречу, чтобы передать. Несмотря на то, что стояло лето, если не вытереться сразу после выхода из воды, стоило только подуть ветру и простуда обеспечена: то ли с жаром и ознобом, то ли с першением в горле - кому от этого станет легче?

Когда он поднял глаза и увидел улыбку Чжун Мина, сам невольно тоже приподнял уголки губ.

— Пришёл сюда набрать немного устриц, — отозвался он.

После ссоры с Лю Ланьцао он больше не рисковал прикасаться к пище на лодке - кто знает, вдруг Лу Юй втихаря плюнул туда. Он решил, что впредь будет сам готовить себе еду, принося продукты на лодку, - и самому спокойнее, и тётке рот заткнет.

Отвечая, он невольно бросил взгляд на Чжун Мина: верх тела весь в каплях воды, а мокрые шорты плотно облепили бёдра — от куска ткани там толку было чуть.

Су И смутился, порозовел, отступил на шаг и отвернулся:

— Ты... ты давай, вытрись как следует.

Чжун Мин лишь с опозданием понял, в чём дело, на миг застыл в замешательстве, а потом поспешно стал вытираться, как попало, и, не найдя другого выхода, обмотал полотенце вокруг талии. Даже если у людей, живущих на воде, не принято строго соблюдать условности, всё же в таком виде оказаться рядом с гером - это уже почти неприлично.

Он бросил мешки в сторону, босыми ногами зашагал по камням в поисках своей одежды, и в

этот момент Су И поспешил признаться в содеянном.

— ...Порвалось на плече, — пробормотал он, — я зашил, правда, не очень аккуратно... Ты уж надень как есть.

Чжун Мин с удивлением узнал об этом инциденте, отыскал то самое место, на которое указал Су И, и, лишь взглядевшись, заметил ряд мелких ровных стежков.

— Что значит "как есть"? Да это же просто прекрасно, — сказал он.

Он сказал геру:

— Как можно винить в этом тебя? Виновата та вороватая птица. Да и если бы ты не оказался поблизости и не вернул одежду, боюсь, мне пришлось бы нырять в море за ней.

Натянув зашивую Су И рубашку, он вдруг почувствовал, будто старая вещь стала новой. Не успел он как следует обрадоваться, как над головой нависла тяжёлая туча, и, без всякого предупреждения, хлынул дождь — капли с треском забарабанили по земле.

Июльские ливни у моря обычно краткие, но бурные: пока нет шторма, всё сойдёт на разовую вспышку стихии. Бежать обратно было бы бессмысленно - не успеешь. Оба это понимали без слов, и, не сговариваясь, рванули к скале, у подножия которой можно было укрыться от дождя.

Перед тем как броситься вперёд, Чжун Мин не забыл натянуть и шорты.

Где-то в небе раздался раскат грома. Чжун Мин заметил, как гер рядом невольно вздрогнул и подался ближе. Он задрал голову: край нависающей над ними скалы действительно мог укрыть от дождя, но ветер был силен, и капли всё равно пробивались внутрь. Тогда он развернулся спиной к буре, встал между Су И и внешним миром, накрыв его собой, насколько мог, чтобы хотя бы немного защитить. На несколько шагов пространства под скалой пришлось сразу два тела. Сначала Су И мёрз от ветра, но вскоре уловил исходившее от Чжун Мина тепло.

Он завёл руку за спину и молча начал ковырять камешек в скале. Такой Чжун Мин вызывал ощущение мощного напора, но это было не то давление, от которого хочется сбежать. Гер в тот момент и дышать боялся громко, стоял, затаив дыхание. При его росте, если не заирать головы, лица Чжун Мина видно не было, только грудь, шея да плечи, за которыми скрывались и ветер, и дождь. И от этого становилось бесконечно спокойно.

Дождь всё ещё шёл.

В сетке осьминог снова принялся за улиток, и теперь уже пытался пролезть сквозь ячейки, протискиваясь наружу, но Чжун Мин не обратил на это ни малейшего внимания, сейчас ему было не до того.

Спустя несколько ударов сердца он, собравшись с мыслями, заговорил:

— Я слышал, ты вчера с Лю Ланьцао разругался. Где ты теперь живёшь? Её родня ночью не пыталась тебя прижать?

Су И покачал головой:

— Всё так же на её лодке. Не волнуйся, она пока не решится выгнать меня. А что до притеснений - да разве их раньше мало было?

Хотя после ссоры, когда за ними теперь, наверное, следит не одна пара глаз, Лю Ланьцао, напротив, даже немного сбавила обороты.

Чжун Мин на миг замолчал, а потом спросил:

— А ты сам... думал когда-нибудь совсем уйти оттуда? Навсегда?

Су И горько усмехнулся:

— Как же не думал. Я и днём думаю, и ночью, и не знаю уж в который раз мне снилось, будто отец с папой живы, приходят за мной и уводят домой. Мы втроём садимся за стол, едим ужин, тихий, спокойный, как прежде.

Во сне он всегда был ещё ребёнком - крошечным, прижавшимся между двумя отцами, укладывавшими его спать посередине. Но стоило проснуться, и никаких отцов рядом не было. Только холодная, отдающая сыростью деревянная подушка, пропитанная запахом плесени. Иногда ему приходилось прикусывать себе ладонь у основания большого пальца, чтобы не выдать ни звука, не позволить слезам вырваться наружу.

Он никогда не рассказывал об этом никому. Чжун Мин стал первым за столько лет, кому он осмелился открыть душу. Но сколько ни было пролито слёз, они иссыкли, давно высохли до последней капли. Образы двух отцов стирались в памяти, становились всё более расплывчатыми, и даже во сне это были уже не лица, а размытые тени, приносившие ему ту ласку, о которой он мог лишь мечтать.

Сердечные муки вырвались наружу, как вода, прорвавшая плотину. Раньше он мог делиться ими только с камнями, только с кошкой.

— Я винил себя за то, что родился не мужчиной, — сказал он. — С телом гера, а не мужика. Хочу уйти из той семьи, но без смерти или замужества не выбраться.

Бессознательно он поставил «смерть» перед «замужеством» — значит, эта мысль приходила к

нему не раз.

Чжун Мин вздрогнул, услышав это слово, будто оно больно кольнуло его в веко.

— Совсем ничего не боишься, — резко сказал он. — Зачем говорить такое? Быстро попроси прощения у Морской Богини, чтобы не подумала, будто ты всерьёз.

Су И, подгоняемый Чжун Мином, сложил ладони и поклонился в сторону храма Морской Богини. Покончив с этим, он подумал про себя: Морская Богиня, может, и не воспримет это всерьёз, а вот Чжун Мин, кажется, воспринял вполне. За все его немногие годы это был первый человек, кому действительно было не всё равно, выживет он или нет.

А в душе Чжун Мина в этот момент всё грохотало, как разбуженный барабан. Он опустил взгляд и увидел, как ветер растрепал волосы гера. Ему так хотелось протянуть руку и мягко пригладить их.

Раз уж он сам признал то, что чувствует, то, может, как говорила его вторая тётка, и не стоит больше тянуть.

— Уйти из той семьи... — сказал он. — Есть ведь другой выход. Ты же сам только что сказал.

Голос его чуть дрогнул, кадык заметно качнулся.

— Сейчас здесь только ты и я. Так почему бы тебе не подумать... насчёт меня?

<http://bllate.org/book/13583/1205004>